

ДИСКУССИИ

УДК 94(470.5)"15-17"

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.342-369

ЯСАЧНЫЕ ЛЮДИ, ИНОЗЕМЦЫ, ЯСАК И ДАРООБМЕН – ПРАКТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТЕОРИИ*

Г.Х. Самигулов

*Южно-Уральский государственный университет
Челябинск, Российская Федерация
gayas_@mail.ru*

Цель: изучить дискуссионные вопросы российской истории, связанные с ясачным населением конца XVI – середины XVIII вв.

Материалы исследования: при написании настоящей статьи использовались опубликованные и вновь выявленные архивные материалы и публикации предшественников.

Результаты и научная новизна: удалось выяснить, что понятие «иноземцы» в деловой документации Московского государства XVI–XVIII вв. относилось к ясачному населению от Волги до Восточной Сибири. Сам ясак для традиционного ясачного населения выступал в качестве государственной подати, а ясачное население пользовалось вотчинным правом на ясачные угодья. Ясачное население можно предварительно разделить на три категории: 1. Ясачные Поволжья, которые по типу хозяйства были близки к государственным крестьянам. Для них ясак был скорее пережитком. Тем не менее они сохраняли вотчинные права на медовые угодья и бобровые гоны. 2. Ясачные Урала, запада и юга Сибири – охотники, рыболовы либо скотоводы. Для них ясак был основным видом государственной подати, соответствующим типу хозяйства. Традиции уплаты ясака уходят еще в тот период, когда эти группы населения находились в орбите влияния либо являлись подданными постордынских государств. Вотчинное право у этого населения распространялось на всю территорию хозяйствования. 3. Население севера и северо-востока Сибири, не обладавшее развитой социальной структурой и никому ранее не платившее подати. Для этого населения сам принцип дани был не понятен, поэтому государство выстраивало с ними отношения в понятной им форме – в виде дарообмена.

Таким образом, ясачное население не было однотипно, взаимоотношения разных групп с государством строились по разным сценариям. При этом ясачное население являлось частью социальной структуры Российского государства. Исключение составляют некоторые группы севера и северо-востока Сибири, где ситуацию надо рассматривать отдельно в отношении каждой родовой/племенной группы.

Ключевые слова: ясачное население, социальная структура, вотчинные земли, чины или сословия, подати, государство, подданство

Для цитирования: Самигулов Г.Х. Ясачные люди, иноземцы, ясак и дарообмен – практические размышления о теории // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 342–369. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.342-369

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (государственное задание 33.5494.2017/БЧ).

**YASAK PEOPLE, FOREIGNERS, YASAK AND EXCHANGE OF GIFTS –
PRACTICAL THINKING ABOUT A THEORY*****G.Kh. Samigulov***South Ural State University
Chelyabinsk, Russian Federation
gayas_@mail.ru*

Abstract: Objective: The study concerns controversial issues of Russian history related to yasak people from the end of the 16th century to the middle of the 18th century.

Materials: During the investigation, the author used newly discovered archival documents as well as previous publications.

Results and novelty of the research: It has been established that the term “foreigners” in the administrative documentation of the Muscovy in 16th–18th centuries indicated the yasak people from the river Volga to Eastern Siberia. The “yasak” for traditional yasak people signified a state duty (a tax) and yasak people had a votchina right on the yasak land. Yasak people can be preliminarily divided into three categories: 1. Yasak people in the Volga area. They were very similar to state peasants in an economic sense and the yasak was merely a vestige for them. Nevertheless, they preserved votchina rights on honey, lands and the hunting of beaver. 2. Ural, Western and Southern Siberian yasak people – hunters, fishers or pastoralists. For them, the yasak was basic type of the state tax corresponding to their local economies. Yasak traditions stemmed from period when these peoples were in sphere of influence or vassalage of post-Golden Horde states. The votchina rights of these peoples covered all over their territory. 3. North and Northeast Siberian populations who did not have advanced social structure and had never paid tax earlier. Any taxes were unclear to that population which is why the state formulated relations with them in understandable form – as an exchange of gifts.

Thus, yasak populations were not all the same, and relations between the state and different groups were created along the lines of different schemes. At the same time, the yasak people formed a part of the social structure of the Russian state. An exception to the rule were some peoples in northern and northeast Siberia, where the situation must be considered separately for every clan/tribal group.

Key words: yasak people, social structure, votchina land, positions and estates, podat', state, allegiance

For citation: Samigulov G.Kh. Yasak People, Foreigners, Yasak and Exchange of Gifts – Practical Thinking about a Theory. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 342–369. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.342-369

Введение

Сегодня, в связи с актуализацией этнической и социальной истории народов России, становятся всё более насущными вопросы статуса различных групп нерусского населения Московского государства/Российской империи, в частности и столь распространенной и достаточно многочисленной в свое время категории, как ясачные люди. Так получилось, что работ, посвященных именно разбору того, кто такие ясачные люди и что такое ясак в России XVI–XVII вв., почти нет. Вопросы уплаты ясака затрагиваются в общих трудах по истории той или иной территории, но и только. Это касается территории По-

* The study was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (state assignment 33.5494.2017/БЧ).

волжья, Приуралья, а также Сибири, о которой преимущественно и пойдет речь в предлагаемой статье. Даже такие работы, как «Ясак в Сибири» [6], «Сбор ясака: зависимость процесса объяснения от потестарно-политической ситуации в регионе (по материалам Восточной Сибири XVII в.)» [10], «Ясачная политика царской администрации в период освоения Приамурья русскими в XVII в.» [37], «Ясак в Сибири XVIII – начала XX века» [12] и др., посвященные, казалось бы, непосредственно проблемам, связанным с ясачным населением, рассматривают именно ясачную политику Российского государства, не углубляясь в анализ статуса ясачного населения и очень кратко останавливаясь на том, что же представлял собой ясак.

Мои позиции по этим вопросам обозначены в публикациях, вышедших в последние 5–7 лет. При этом я, обычно, признавая значимость работ предшественников и используя их наработки, основываюсь преимущественно на материалах источников. Выводы, к которым я пришел, как мне казалось, достаточно понятны для восприятия и вполне обоснованы. Но после нескольких дискуссий в кулуарах я пришел к заключению, что надо обозначить свои позиции более наглядно, и лучше это сделать в противопоставлении тезисам, на мой взгляд, достаточно спорным. При этом критикуемые мною взгляды находят живой положительный отклик у многих коллег, особенно в Сибири, видимо, постольку, поскольку в целом пребывают в русле сибиреведческих исследований. В качестве оппонированных я взял две статьи А.Ю. Конева, посвященные вопросам статуса ясачного населения Сибири: «Народы Сибири в социально-правовом измерении империи: современные подходы к изучению» [21] и «Дар, дань и торговля: антропология взаимодействия автохтонов Сибири и русских в XVII–XVIII вв.» [20].

Методика моей работы достаточно проста – при рассмотрении тезисов оппонированной работы я обращаюсь, в первую очередь, к архивным материалам, как ранее опубликованным, так и вновь выявленным. Работы коллег, как предшественников, так и современников, занимают важное место в исследовании, но приоритетом обладают, несомненно, первоисточники. Довольно большой объем предлагаемого текста займут цитаты из статей А.Ю. Конева и из архивных источников. Статьи А.Ю. Конева охватывают (или пытаются охватить) всю территорию Сибири и даже Урала. Я ограничусь Верхотурским, Туринским, Тюменским, Уфимским и отчасти Кунгурским, Тобольским и Пелымским уездами с некоторыми экскурсами к истории Поволжья и совсем лапидарными отсылками к ясачному населению северо-востока Сибири.

Сразу оговорюсь, что я рассматриваю Россию XVI–XVII вв. как сословное государство. Отмечу, что те, кто отрицает либо ставит под сомнение существование сословий в России XVI–XVII вв., преимущественно являются специалистами по истории страны XVIII – начала XX вв., в то время как историки, специализирующиеся на изучении истории Российского государства более раннего периода, сомнений в его сословном характере не высказывают. Другое дело, что не стоит искать в России этого периода загадочные «четыре сословия». То есть я исхожу из того, что Россия XVII в. была сословным государством, хотя социальная система ее была сложнее, чем в странах Европы того времени. Подробная характеристика сословий дана в соответствующей статье «Советской исторической энциклопедии» [42, стб. 346–350].

Основная часть

Значительная часть первой статьи А.Ю. Конева представляет собой обзор точек зрения относительно места народов Сибири в социально-правовом измерении России как имперского периода, так и первого века по вхождению территории в состав Московского государства [21]. Помимо этого приведены и собственные выкладки автора по этой теме. Именно они и представляют для нас интерес. Вторая статья [20], посвященная включенности ясачного населения Сибири в подданство Российского государства и интерпретациям таких выплат, как ясак и государевы поминки, тесно смыкается по содержанию с предыдущей работой [21].

А.Ю. Конев пишет, что «нивелирование этнического и конфессионального фактора в пользу сословного применительно к первому столетию присвоения Сибири Россией приводит иногда к весьма некорректным выводам» [21, с. 139]. В качестве примера некорректного вывода он приводит цитату из работы Л.И. Шерстовой о том, что «сибирские аборигены с самого начала присоединения Сибири и в ходе последнего тут же включились в социально-экономическую структуру государства через объясачивание и сразу же двигались по пути особого российского податного сословия» [44, с. 132]. Подкрепляет свое высказывание А.Ю. Конев следующими выкладками: «Индиженное население, принявшее ясачное подданство, далеко не «тут же» и не «сразу» включалось в социальную структуру Российского государства как такового, тем более оформляясь в особое сословие. И дело даже не в том, что существование сословий в России того времени вопрос спорный, а в том, что вся эта разношерстная масса населения не имела четко определенного юридического статуса. Как пишет А.С. Зуев, Соборное Уложение не заметило сибирских иноземцев и никак не прописало их статус в структуре государства. Добавлю, что специфика их положения определялась шертями и воеводскими наказами, в частности, особой статьей последних – «жалованным словом» [21, с. 139].

А.Ю. Конев приводит и другие рассуждения в пользу того, что ясачное население Сибири не было включено в социальную структуру Российского государства: «Словосочетание «ясачные иноземцы», на мой взгляд, само по себе выводило автохтонное население за рамки чиновного деления Московской Руси. Войти в него «ясачному человеку» можно было только приняв крещение, верстаясь затем в число служилых людей или пребывая на положении холопов у русских» [21, с. 139]. Ссылается он при этом на монографию Т.А. Опариной, которая отметила, что «иноверцы были лишены многих политических прав: они не допускались к управлению страной, не занимали государственных постов (не входили в Боярскую думу, не участвовали в Земских соборах, не возглавляли приказов, воеводств и т.д., и не могли даже стать чиновниками любого уровня)» [28, с. 6].

В другой работе А.Ю. Конев выдвигает предположение о том, что основным выражением подданства аборигенного населения Сибири на «ранней» стадии был не ясак, а государевы поминки: «К концу XVII в. «поминочная рухлядь» на имя государя становится обязательной, неотъемлемой частью ясачного сбора и фактически сливается с ним. На мой взгляд, существование такого дара параллельно с ясачным взносом было индикатором того, что ясак сохраняет характер дани, собираемой с покоренного и еще не полностью включенного в государственную систему населения. Стирание же границы

между ними свидетельствовало о превращении ясака в государственный налог. Таким образом, существование института дара-«поминка» на государевом имя и трансформация его в составную часть ясака выступает важным показателем степени интеграции автохтонных сообществ в политико-административную и социально-административную структуру Российского государства» [20, с. 48]. Автор статьи пишет, что ясак не являлся формой государственной подати, а представлял собой форму «дарообмена», то есть взаимоотношений с населением, которое не является подданными. При этом он апеллирует к примерам из истории приполярных областей, преимущественно Северо-Восточной Сибири, но распространяет выводы, сделанные на основании этих примеров, на всю территорию Сибири.

Постараюсь изложить свои комментарии к выкладкам А.Ю. Конева по «пунктам», сопровождая каждый примерами из опубликованных и выявленных архивных материалов.

1. Иноземцы.

Алексей Юрьевич упускает из виду, что категория ясачных людей начала формироваться в России до того, как сибирские земли были включены в состав Московского государства, а понятие «иноземцы» использовалось вовсе не только по отношению к сибирским автохтонам, но и к нерусскому населению Поволжья, Прикамья. То есть сибирские иноземцы после принятия российского подданства просто дополнили ряды ясачных и служилых людей Московского государства.

А.Ю. Конев в своих выводах о том, что понятие иноземцы использовалось именно по отношению к аборигенному населению Сибири, опирается на статью П.С. Игнаткина, где приведены цитаты из документов, в которых использовано слово «иноземцы» по отношению к нерусскому населению. Как ни странно, но в этой работе гораздо проще найти обоснование того, что это понятие использовалось, в первую очередь, в отношении нерусского населения к западу от Уральского хребта. П.С. Игнаткин пишет: «Наиболее ранний выявленный нами случай употребления соционима «иноземцы» применительно к автохтонам Сибири датируется 1565 г. Он зафиксирован в грамоте митрополита московского и всея Руси Афанасия, адресованной Г. Строганову и разрешавшей его слободским игуменам и священникам самостоятельно, без дополнительного благословения от московского митрополита, обращать в православную веру аборигенное население урало-сибирского региона – татар, вогулов и югричей» [18, с. 93]. Можно просто констатировать, что речь идет не о Сибири – вотчины Строгановых в это время занимали территорию Среднего Прикамья, не поднимаясь вверх по Сылве и Чусовой, поскольку жалованную грамоту на земли по Чусовой Строгановы получили позже, в 1568 г. [43, с. 33–34]. Далее П.С. Игнаткин пишет о царской «памяти», направленной в Приказ большой казны: «пустозерскому воеводе В. Ухтомскому было “велено призывать самоядов и иных вер иноземцов и крестьян в православную христианскую веру”. Многие ненецкие роды ежегодно совершали перекочевки из Сибири в Европейскую Россию и в обратном направлении. Поэтому, хотя речь в документе идет о Северном Приуралье, упомянутых самоедов следует рассматривать и как жителей Сибири» [18, с. 93]. Не буду спорить насчет «самоедов», но ясно, что в первую очередь речь в документе идет о жителях уезда Пусто-

зерска, то есть приуральском населении. Затем П.С. Игнаткин сообщает: «В 1614 г. в отписке верхотурского воеводы Б. Зюзина в Пермь «иноземцами» поименованы сылвинские остяки» [18, с. 93]. Дело в том, что сылвенские остяки (или «татары и остяки») проживали и проживают по рекам Сылве и Ирени, на западном склоне Уральского хребта. Сегодня эта территория входит в состав Пермского края. Ниже будет приведен фрагмент писцовой книги Кайсарова, описывающей их вотчины.

Еще два примера в статье П.С. Игнаткина касаются выезжих представителей знати Сибирского ханства, которых вполне можно отнести к общей категории «выезжих иноземцев», которая включала в себя выходцев как из Западной Европы, так и из пост-ордынских государств, причем выходцев, преимущественно, служивых. Собственно сибирским является один пример с «иноземцами» Томского уезда [18, с. 93–94].

Из шести приведенных в статье П.С. Игнаткина примеров три касаются Приуралья. Представляется, что это довольно странный подбор для статьи с названием «Соционим «иноземцы» применительно к народам Сибири в деловой письменности Московской Руси». Вывод статьи также вызывает недоумение: «Этот соционим означал этнические, культурные и религиозные отличия нерусского населения от русского, а также указывал как на политическую принадлежность к другой стране, так и на недавнюю подчиненность России. Его употребление свидетельствовало о стремлении подчеркнуть политическую и религиозную дистанцию между исконным населением Московского государства, с одной стороны, и новыми подданными – с другой» [Игнаткин, 2013, с. 94]. Конкретно недоумение вызывает фраза про «новых подданных».

К примеру, в царском указе 1697 г.: «А в уезде в Татарские и Чувашские и в Вотяцкие волости и в деревни для выемки табаку ни кого не посылать, и никого их иноземцев из уезду в город не имать и убытков и разоренья им в том не чинить» [34, с. 287]. С включения земель и населения бывшего Казанского ханства в состав Московского государства к 1697 г. прошло практически полтора века. Упомянутые в документе иноземцы уже давно не были «новыми подданными» Российского государства. То же самое можно сказать и относительно тезиса А.Ю. Конева: «Характерно, что до середины XVIII в. основным собирательно-обобщающим термином для обозначения новоиспеченных и становящихся подданными из числа сибирских автохтонов было слово «иноземцы» [21, с. 140]. Сложно назвать «новоиспеченными» подданными людей, которые к середине XVIII в. находились в российском подданстве более полутора веков, а это значительная часть автохтонного населения Западной и Центральной Сибири.

Относительно уверенности А.Ю. Конева, что этот термин относится исключительно к сибирскому населению, выше я уже показал, что это не так и словом «иноземцы» обозначалось также автохтонное население Поволжья и Приуралья. Если быть более точным, то этим термином сначала обозначалось нерусское население территорий к западу от Уральского хребта, а после 1582–1586 гг. его распространили на аборигенное население Сибири.

Еще один, достаточно важный момент. А.Ю. Конев делает упор на использовании термина «иноземцы» и именно от этого отталкивается в дальнейших рассуждениях. Но по той же статье П.С. Игнаткина прекрасно видно, что это выражение не было основным при обозначении аборигенного населе-

ния Сибири. Он с трудом набрал 6 примеров использования этого понятия в документах, касающихся Приуралья и Сибири, за вторую половину XVI – начало XVII вв. То есть это достаточно редко встречающееся определение. Практически во всех документах используются выражения «ясачные люди» (для обозначения ясачного населения вообще), «ясачные татары», «ясачные остяки», «ясачные вогулы» и т.д. – если документ относится к ясачному населению одного уезда. Поэтому далее в статье я буду обычно использовать выражение «ясачные люди» или «ясачное население», поскольку это гораздо больше соответствует лексике деловой документации Российского государства конца XVI – середины XVIII вв.

Что касается мнения о том, что само выражение «ясачные иноземцы» выводило сибирских автохтонов за рамки «чиновного» мира Российского государства и единственный способ войти туда был принять крещение [21, с. 139], то это совершенно умозрительное заключение, не имеющее никаких оснований. 1640 г., «Царская грамота уфимскому воеводе Ивану Салтыкову о запрещении всяких чинов людей держать в холопстве по закладным кабалам...»: «которые всяких чинов люди, крещены и не крещеные, наперед сего жили и ныне живут в закладах у всяких чинов людей, велеть жить тяглым в тягле, а ясашным в ясаке, по прежнему...» [14, с. 271]. Представляется, что царская грамота с конкретным указанием на то, что некрещеные и ясачные подданные входили в состав «чинов» Российского государства, является достаточно убедительным аргументом. А еще подобные формулировки есть в наказе окольному князю Львову, назначенному воеводой в Казань: «В Казани ж велеть учинить заказ крепкой и бирючем кликать по многие дни, чтобы Казанские всяких чинов люди Русские люди и Мурзы и Татарове и Чуваши и Черемиса Великого государя всяких чинов Русских людей и Вотяков, и Чуваши, и Черемисы и их жен и детей, и поместных, и оброчных и ясачных земель и бортных ухажеев и никаких угодьев ни в каких долгах в заклад к себе не имать...» [34, с. 289].

Кстати и в работе Т.А. Опариной, на которую ссылается А.Ю. Конев, речь идет вовсе не о «невключенности» иноземцев в социальную систему государства, а о некотором ограничении прав: «Иноверцам гарантировалось самоуправление, и, что особенно важно, право собственности на землю. Но, как и русские подданные, мусульмане и язычники Поволжья и Сибири, платили налоги (иные, чем русское население), несли воинскую повинность (подразделения татарских мурз всегда составляли важнейшую часть русской армии)» [28, с. 6]. То есть иноверцы, по Т.А. Опариной, были частью социальной системы Российского государства и имели присущие его подданным права, кроме участия в управлении государством. Отметим также, что в этом отношении она не разделяет нерусское население Поволжья и Сибири. Кстати, специалист по истории служилых татар в России XVI–XVII вв. А. Беляков несколько иначе формулирует отличия в правах «иноземцев» от «полных» подданных: «1) Невозможность для неправославного человека стать членом государева двора (ограничения в карьерном росте); 2) невозможность держать в услужении православных людей (защита православных от возможного «поругания веры»); 3) существование особого земельного фонда, земли из которого жаловались исключительно служилым иноземцам (мера против

претензий православных служилых людей на поместья служилых иноземцев)» [7, с. 68]. Как видим, по мнению А.В. Белякова, речь идет о недопуске иноверцев лишь на высший уровень управления государством.

И действительно, мы имеем примеры командования мусульман полками (Царским и Сеитовым), знаем темниковских воевод Еникеевых [8]. Тобольский татарин Сейдяш Кульмаметев исполнял торговые и посольские миссии. В частности, в грамоте Федора Алексеевича Тушету-хану Чихунь Доржи, направленной в феврале 1676 г., говорилось: «А посланцов ваших со всеми их людьми мы, великий государь, наше царское величество, пожаловав нашим, великого государя, жалованьем, указали отпустить к вам без задержанья со всяким помогательством. А с ними по нашему великого государя указу послан с Москвы табольской житель Сейдяш Кутломаметов, а нашего великого государя жалованья послано с ним тебе, Очарою-хану» [24, с. 296]. Брат Сейдяша, Авазбакей Кульмаметев, в 1666 г. получил грамоту за личной подписью царя Алексея Михайловича, предписывающую всем воеводам и приказным людям оказывать Авазбакею содействие во время его поездок из Сибири в Москву и обратно. Авазбакей организовывал доставку кречетов к царскому двору [2, с. 314–315]. Торговые бухарцы были целовальниками на сибирских таможнях [3, с. 363; 15, с. 310–312] и т.д. Кстати, и А.В. , и Т.А. Опарина оговаривают, что надо разделять иноземцев «внешних» и «внутренних». Именно к «внутренним» иноземцам и относились упомянутые выше группы населения: «Мусульмане и язычники бывших Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, официально провозглашенные подданными православного монарха, оставались в России иноземцами. Вхождение их территорий в состав Русского государства определило выработку системы взаимоотношений православной власти и неправославных подданных. Присоединенные регионы стали локальными зонами особого законодательства и, соответственно, во многом изолированными от русского общества. Для удержания новых подданных правительству пришлось пойти на целый ряд уступок. Прежде всего, власти не применили явной русификации (отказавшись от нее после первых настойчивых попыток), что в категориях того времени означало отсутствие явного пресса в обращении в православие. Покоренным регионам была предоставлена религиозная автономия. Ее наличие в системе правового сознания того времени повлекло и определенную административную автономию. Иноверцам гарантировалось самоуправление и, что особенно важно, право собственности на землю» [28, с. 6].

Как уже говорилось, понятие «иноземцы» использовалось по отношению к нерусскому населению, служилому либо ясачному и жившему на огромных территориях от Поволжья до Приамурья. Но выражение «ясачные люди» было гораздо более распространенным, чем «ясачные иноземцы». Совершенно непонятно, почему мы должны рассматривать сибирских «иноземцев» (ясачных людей) как принципиально другую категорию населения, нежели «иноземцев» (ясачных людей) Поволжья и Приуралья? Никаких аргументов в пользу такого разделения А.Ю. Конев не привел. Очевидно, он убежден, что термин «иноземцы» применялся именно к аборигенному населению Сибири (иногда упоминается и Урал): «Замечу, что длительное бытование термина «иноземец» в отношении коренных обитателей Сибири было связано не только с тем, что в массе своей они не принадлежали к Русской православной церкви, но и с тогдашним восприятием Сибири скорее не как перефирии, обладающей комплексом при-

знаков, присущих Русскому государству, а как пограничной / фронтальной территории с размытыми культурно-цивилизационными параметрами» [21, с. 141]. Однако, как показано выше, словом «иноземец» обозначали также жителей территорий, к Сибири не имеющих никакого отношения.

Я не вижу причин сомневаться в том, что ясачные люди на территориях от Поволжья до Тихого океана были частью социальной структуры Российского государства XVI–XIX вв. и относились к «чинам» Российского государства, что подтверждается царскими указами. В XVI–XVII вв. они не могли входить в высшие органы государственного управления, но точно так же туда не могли входить и крестьяне и посадские люди, являвшиеся «полными» подданными Московского государства. А ниже я постараюсь показать, каков именно был статус ясачного населения в Российском государстве. Существовали довольно существенные различия между различными категориями ясачного населения, обусловленные рядом причин. Об этих различиях будет сказано дальше.

2. Что такое ясак и кто такие ясачные люди.

Выше уже показано, что ясачные люди относились к чинам, то есть условиям Русского государства. Но остаются вопросы, что же такое ясак? И как определить набор прав и обязанностей ясачного населения, определявших сословные границы?

Есть тезис о том, что ясак на первом этапе был своего рода данью, выплачиваемой захваченными народами [12, с. 14]. Он базируется на цитате из статьи С.В. Бахрушина «Ясак в Сибири»: «Ясак – по преимуществу дань, которую платят покоренные победителю» [6, с. 96]. По версии А.Ю. Конева, ясак ни в коем случае не является податью, но частью процедуры (ритуала) «дарообмена», то есть ясачные люди не являются подданными, а «существование института дара-«поминка» на государево имя и трансформация его в составную часть ясака выступает важным показателем степени интеграции автохтонных сообществ в политико-административную и социально-административную структуру Российского государства» [20, с. 48]. Мне очень интересно, как же тогда оценивать ситуации, когда русские люди меняли свой статус крестьян либо служилых на положение ясачных людей? Причем такая ситуация существовала с начала XVII в.: «...прислали под отпиской челобитную, Верхотурского уезду наших ясачных волостей, Лозвинские, Сосвинские, Вагринские, ясачных вагулич Богдашка Криворотов с товарищи» [1, с. 313]; 1613 г. мая 10, царская грамота верхотурскому воеводе Годунову, об определении казака Данила Шавкова в толмачи на Верхотурье: «случих Вагульских сотников, Кумыча Байтерека, Богдашка Орлика, в город привел, и их сотен вагулич, во многих юртах, по их вере к шерти привел» [1, с. 1]. Вряд ли есть сомнения в том, что Богдан Криворотов или Богдан Орлик относились к славянам. А.А. Преображенский писал о том, что по переписным книгам 1710 г. в Верхотурском уезде было 24 двора русских ясачных людей, в которых насчитывалось 167 человек [35, с. 169]. Многие добровольно выкупали выморочные вотчины ясачных вогулов, соглашаясь даже на выплату ясака в 1,5 раза больше, чем «иноземцы»¹. Есть совершенно замечательный пример,

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1111. Оп. 1. Д. 44. Л. 42; Д. 338. Л. 121–147.

когда крестьяне Туринского уезда потребовали, чтобы их признали ясачными людьми: «Да в нынешнем, государь, 1702 году бьют челом тебе великому государю русские люди в ясашной платеж, которые живут на татарских купленных местах и лесными и звериными угодьями владеют по татарским же закладным; а на Верхотурье, государь, многие русские люди с таких же закладных земель ясак платят. А по справке в Туринску в приказной избе, по отпискам из Туринска столника Ивана Морева, в 203 году, писал с Верхотурья воевода Иван Цеклер, чтоб русских людей в ясаки ставить» [29, с. 204]. То есть русские люди выкупали вотчинные земли ясачных татар, рассчитывая тоже стать ясачными людьми. Как соотносятся эти данные с якобы «внестатусным» положением ясачных людей в русском государстве? А если вы обратите внимание на документы Верхотурской приказной избы XVII в., то обнаружите, что русские там не выделены из общей массы плательщиков ясака и обозначены, как и в цитированных выше документах, «ясачными вогулами». В январе 1674 г. «бьют челом сироты ваши Верхотурского уезду Сосвинские волости ясачныя вагулича Тараска Ивашкин, Козминко Катышков, Ивашко Анисимов, ... Богдашин»². 1675 г. «Верхотурской вагульской толмач Ивашко Зеновьев сыскивал Верхотурской (Верх)-Лозвинской волости сотника Ивашка Миткина и ясачными людьми по их вере и по шерти тоя ж волости про ясачных вагулеч про Бориска Федкова, про Исайка Богдашина»³. П.Н. Буцинский приводит цитату из документа 1618 г.: «про то дело сыскивали до пряма пельмскими вогуличи и пельмские вогуличи Ян Кисленский с товарищи сказали...» [11, с. 308]. То есть в число ясачных вогулов Верхотурского и Пельмского уездов входили русские/крещеные люди (или, возможно, поляки, как в случае с Яном Кисленским), а также крещеные вогулы. Хотя без детального исследования нам уже сложно отличить по таким документам русского, перешедшего в ясак, от крещеного вогула, поскольку в документах, как уже упоминалось, они все обозначены как «ясачные вогулы». Такова была система обозначения – ясачные в Верхотурском уезде назывались вогулами, в Тюменском – татарами, а в Уфимском – башкирами, вне зависимости от языковой и конфессиональной принадлежности.

Кстати, подобная ситуация включения русских в состав ясачного населения вовсе не является сибирской особенностью: «Всего прежних жителей ясачных крестьян – Русских и Татара и Мордвы и Чюваши 270 дворов, людей в них (взрослых) 561 челов. Тягла им платить новаго и старого 87 ясаков без получети. На пашню им земли 521 десят. с четью в каждом поле» [29, с. 312]. Казанский губернатор Волынский в записке 1730 г. писал: «И понеже за тридцать лет прошедших не бывало нигде ясачных русских сел но все были иноверцы, и разве изо ста один или два в котором селе крещены, а ныне множество таких сел, в которых уже ни одного не сыщется иноверца кроме самых русских... те вышепомянутые иноверцы один за другим перешли чрез несколько лет в башкиры, а на их места в ту ясашную подать набрались и поселились беглые русские»⁴. Русские ясачные люди были обычным явлением и в Поволжье.

² РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 240. Л. 240.

³ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 297. Л. 46.

⁴ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 108. Оп. 1. 1730 г. Д. 2. Л. 1 об.

Теперь о том, что же представлял собой ясак в лесных районах Западной Сибири и на Урале. Я прошу прощения, ниже приведен большой фрагмент давно известного документа – грамоты царя Бориса Федоровича в Пелым, воеводе Тихону Траханиотову о сборе ясака с сибирских ясачных людей: «...А которые будет ясачные люди стары, или чем увечны и слепы, или больны и лесовати им не мочно, и с тех с ясачных людей, с старых и с увечных и з больных, нашего ясаку имати есмя не велели, на ком будет взять не мочно... А будет которые ясачные люди учнут к вам приходя бити челом, что им всего нашего ясаку нынешнево году заплатит вскоре не мочно, и вы б тем ясачным людем давали сроку, смотря по тамошному делу, как им мочно тот ясак заплатить, да и в книги б есте тое доимку писали подлинно... А которые князьки, и мурзы, и лутчие люди учнут за ясаком приходить и учнут к вам для нашего царского величества и для сына нашего царевича князя Федора Борисовича всеа Русии поминки носить, и вы б у них те их поминки имали, и клали в нашу казну, и велели писати в ясачные книги подлинно порознь, по статьям, а с ясачною казною тех поминков не мешали, а сами б есте ясачных людей в своих поминках за посмех не продавали: которые принесут, у тех имали и клали в нашу казну, а которые не принесут, и вы б на них сами не просили, чтоб им в том продажи не было...» [25, с. 381–383].

А чтобы было понятно, что значит, собирать «по ясачным книгам сполна», приведу другой фрагмент другого царского указа в Пелым, более раннего, от 1595 г.: «велел им собрати на нас ясаку на нынешней на 104-й год по прежней росписи, за приписью дьяка нашего Ондreja Щелкалова, 37 сороков и 20 соболей; и Кондинские де мурзы и сотники и все ясачные люди всего собрали 22 сорока 20 соболей против прошлого 103-го году, против Васильева збору Толстово; а не добрали они нашего ясаку против прежней росписи штинатцати сороков... А в челобитной их написано, что велено с них с ясачных татар ясачником Богдашку Волошанину собрати на нынешней на 104-й год з Большие Конды 37 сороков и 20 соболей; а в прошлом в 103-м году взял с них Василей Толстой нашего ясаку собольми и лисицами и бобры 21 сорок и 20 соболей; и они деи Пелымские вогуличи на нынешней на 104-й год собрали ясаку великою нужею 22 сорока и 20 соболей, потому что многие у них ясачные люди побиты, а иные померли, и вперед де им по той нашей указной росписи столько нашего ясаку в нашу казну платить не мочно. Да з Большие ж Конды взяти было на прошлые годы недоборного ясаку, что на них не добрано по ясачным книгам на 97-й, да на 98-й, да на 99-й, да на 100-й, да на 101-й, да на 102-й год против 1415-ти белок, а 100 белок по нашему указу положено против рубля, итого всего деньгами 414 рублей 5 алтын; да прошлого ж 103-го году недоборного ясаку 16 сороков да нынешнего 104-го году недоборного ясаку 16 сороков и 20 соболей. И нам бы их Большие Конды ясачных татар пожаловати, того недоборного ясаку на прошлые на 7 лет и на нынешней на 104-й год правити на них не велети. И мы Пелымского города Большие Конды ясачных татар Курманака мурзу с товарищи пожаловали... А вперед велели з Большие Конды с ясачных татар имати по 20 по 2 сорока и по 20 соболей на год, по тому, что с них взято на нынешней на 104-й год» [36, стб. 123–125].

У меня очень простой вопрос – где здесь «дарообмен»? Четкие формулировки «в нашу казну», «наш ясак», «доимка». Жестко определенный размер

ясака с уезда и персонально с каждого взрослого, за исключением стариков и больных. В случае невыплаты части требуемого количества, недоимка плюсуется к обязательному объему ясака будущего года и т.д. За утайку пушнины бьют кнутами. И ясачным, и ясатчикам запрещается торговать пушниной с купцами. Недоимка может быть прощена, как прощали недоимки крестьянам, например. Размер ясака определяет царь, а не ясачное население – царь может учесть пожелания ясачных, но последнее слово всё равно за ним. Иначе говоря, мы видим взаимоотношения государства и группы податного населения, в данном конкретном случае, цитированные документы – инструкции по сбору податей. Кстати, С.А. Бахрушин, называя ясак данью, продолжал: «Ясак – по преимуществу дань, которую платят покоренные победителю, он является поэтому признаком подданства...» [6, с. 96]. Цитируя его, многие опускают вторую часть предложения.

А.Ю. Конев отмечает: «От дара-«поминка» на государево имя следует отличать «поминки» как форму «посула», взятки в пользу местных администраторов. Приношения в «почесть» были широко распространены в Сибири. Они превратились в статусную ренту чинов воеводской администрации, использовавших для ее получения свой управленческий ресурс. В царских указах и наказах воеводам того времени содержатся многочисленные запрещения таковых незаконных поборов» [20, с. 48–49]. «Посулы» и «продажи» действительно запрещались царскими указами, но наряду с «государевыми поминками» вполне официально существовали «воеводские поминки». На территории Зауралья ситуация иная, чем описал А.Ю. Конев, – здесь поминки (и государевы и воеводские) стали вполне официальным налогом самое позднее к 1620-м годам. В 1629 г. ясачные люди Верхотурского уезда писали: «платили мы твой государев ясак... да твои государевы поминки платили – тебе государю по пяти и по шести соболей с волости, а воеводе по три соболя... Но в прошлом, 1626 году по твоему государеву указу ВЕЛЕНО нам сиротам твоим платить, твои и воеводские поминки, против денежного оклада» [11, с. 317]. Фраза «против денежного оклада» означает, что устанавливалась твердая «такса» – на какую сумму должен принести пушнины каждый ясачный человек. Тоже не очень похоже на «дарообмен». Кстати, и взимались «поминки» в Верхотурском уезде не персонально с каждого плательщика, а с волости в целом. А в Якутии поминки, в отличие от ясака, платили не все взрослые «иноземцы»: «Из 150 ясачных плательщиков Кангаласской волости государевы поминки платили только 22 человека, тогда как воеводские – 64 человека. По ряду волостей (Нюрюптийская, Дубчинская и др.) государевы поминки вообще не взимались. Воеводских поминок не платили только ясачные плательщики с ясачным окладом ниже 4 соболей, но и здесь бывали исключения» [45, с. 264]. Следует ли понимать, что только те ясачные люди Якутского уезда, которые платили «государевы поминки» признавали свое подданство русскому царю? Как следует трактовать подданство людей, плативших воеводские поминки? Кроме того, в Якутском уезде вполне официально существовали дьяческие поминки... [45, с. 262–263].

Очевидно, что ситуация далеко не так однозначна, как описывает А.Ю. Конев. В зауральских лесных уездах ясак являлся обязательной фиксированной податью уже в конце XVI в. Уплата ясака была строго регламентирована, исчислялась по числу плательщиков, за исключением старых и больных, с кото-

рых обязанность платить ясак снималась. Точно так же уже в начале XVII в. устанавливается фиксированный размер поминок – государевых и воеводских. А ясачное население Уфимского уезда поминок вообще не платило, ни государевых, ни воеводских, как собственно, и ясачные Кунгурского, Чердынского или Соликамского уездов. И здесь имеет смысл вернуться несколько дальше, в период до похода Ермака, и попытаться выяснить вопрос с подданством населения этих территорий и, возможно, с истоками явления поминок.

Уже в титулатуре великого князя Василия Иоанновича значилось «Божию милостию Государь всеа Руси и Великий князь Владимирский... Государь и Великий Князь Новагорода... и Удорский, и Обдорский, и Кондинский и иных» [40, с. 411]. То есть жители этих территорий трактовались как подданные Московского государства. С 1555 г. к титулам царя Ивана Васильевича добавляется «Сибирской земли повелитель». В наказной памяти, данной Савлуку Турпееву, отправленному в Вильно (1555 г.) указано: «А нечто спросят Савлука: почему царь и великий князь пишется Сибирские земли повелителем? И Савлуку говорити: Сибирская земля порядку с Казанскою землею; и как государь наш царь и великий князь взял Казань, и сибирский князь Едигер бил челом государю нашему со всеми сибирскими людьми, чтобы царь и великий князь пожаловал Сибирскую землю держал за собою и ясак бы с них имал, а их бы с Сибирские земли не сводил» [38, с. 479]. Соответственно, население этих территорий, с официальной точки зрения, было в российском подданстве еще до похода Ермака. Что же касается «поминков», то есть одна деталь из истории сбора ясака с населения Сибирского юрта до похода Ермака, которая, возможно, может объяснить происхождение этой формы податей.

В уже цитированной наказной памяти Савлуку Турпееву о Сибири сказано: «И государь их пожаловал, дань свою на них положил давати им с сорока тысяч человек на всякий год с всякого человека по два соболя з головы, да данцику по две белки з головы (курсив мой – Г.С.), и грамоту им свою жаловальную дал... а дань с них имати на всякий год без перевода» [38, с. 479–480]. В грамоте 1571 г.: «И Царь и Великий Князь Сибирского Царя грамот и его челобитье выслушал и под свою руку его и во обереганье принял, и дань на него положил, на год по тысячу соболей, да посланнику государскому, которой по дань приедет, тысячу белок (курсив мой – Г.С.)» [41, с. 63]. Кстати, в этом же документе в титулатуре Ивана Васильевича указано «...и все Сибирские земли...» [41, с. 63]. Можно предположить, что поминки, собираемые с ясачных людей сибирских уездов в конце XVI–XVII вв., представляли собой трансформацию той самой доли, что причиталась ранее «данцику». В разговоре с А.В. Беляковым возникла такая мысль, что поминки представляли собой своеобразную плату «за хлопоты». Существование дополнительного сбора в пользу данщика косвенно подтверждает эту мысль. В связи с этим возникает вопрос – есть ли возможность проследить: для каких целей использовалась пушнина, полученная в качестве государевых и воеводских поминок?

Есть еще один непростой момент, связанный с ясаком – П.Н. Будицкий достаточно точно отобразил понимание ясака самими ясачными людьми Западной Сибири, да и русской администрацией, как службы [11, с. 309]. В 1617 г. ясачные Тюменского уезда били челом царю Михаилу Федоровичу: «Били нам челом Терсяцкия волости ясачные татаровя Енбай Коянтурин, да

Кынырские волости ясаул Яныбек, да Кобычина городка ясаул Кобыч, да Обухова городка Щербак Обухов и во всех товарищев своих ясачных татар и захребетников место, а сказали: служат де они нам на Тюмени и ясак нам дают соболями и хлебом»⁵. Кроме ясака, новые подданные с первых лет принятия подданства несли и другие службы. Можно вспомнить ясачных татар Тюменского уезда, направленных в 1593–1594 гг. для постройки Тарского острога [25, с. 351]. Весной 1600 г. жители Коурдакской волости в своей челобитной перечисляли, какие еще повинности они отправляют, помимо уплаты ясака. Набрался вполне приличный список: по тридцать человек «о двуконь» они выделяли для походов на Кучума, а потом на его людей и «зырянцев», пятьдесят человек отправляли к Ямышевскому озеру с соляными караванами, по десять человек на все теплое время (от вскрытия рек до ледостава) посылали в проезжую станицу⁶. Из царской грамоты 1601 г. туринскому воеводе Федору Феофанову: «а которые деи остяки живут блиско острогу, во днище и больши, и он деи Федор их посылает в проезжие станицы; да они ж деи дают под нашу казну, и под посланники, и под гонцы подводы к Москве до Верхотурья, а в Сибирь до Тюмени; и на острог де они лес возили; и им де ныне нашего полново ясаку платить не мочно. Да и всегда деи к нему к Федору остяки приходя бьют челом, что присылают деи по них всегда ис Тюмени воеводы для всяких дел, и им деи в Тюмень ездити далече, а к острогу ближе» [25, с. 384].

Кроме того, ясак платила основная часть аборигенного населения Зауралья (помимо служилых групп), но далеко не все. Например, часть подгородных остяков Березовского уезда платила ясак по пять соболей, а часть отправляла ямскую гоньбу [14, стб. 173–174]. Несколько лет в 1620-х гг. отправляли ямскую гоньбу татары Ленского городка Тюменского уезда, а затем вновь были переведены в ясак, по их же собственной просьбе⁷. Причем почтовая гоньба не была формой ясака, но была другим видом службы, а людей, которые отправляли гоньбу, называли «гоньбными», а не «ясачными».

Это восприятие ясака как «службы» очень важно, поскольку возникает вопрос: если я утверждаю, что ясачные люди были включены в социальную, сословную структуру Российского государства, то, помимо обязанностей, каковыми являются уплата ясака и другие службы, должны быть права, своиственные именно для них? Такое право было – право на вотчинные земли.

Понятие «вотчины» и «вотчинных угодий» встречается в документах, касающихся ясачного и служилого «иноземческого» населения, часто. Я процитирую несколько документов, которые подтверждают, что ясачные, как и служилые, владели вотчинами.

4 июля 1620 г., царская грамота в Туринск воеводе Данилу Милославскому: «Писал еси к нам и прислал Туринского острогу ясачных татар... 20-ти человек челобитную на верхотурского жильца на Ортюху Бабинова с товарищи... И будет так, как нам Туринского острогу ясачные татаровя Ишмаметко Тентюков с товарищи били челом, и как к тебе ся наша грамота придет, и ты б про то сыскал туточными ясачными людьми старожильцы: их ли ясачная вотчина, и почему владеет Ортюшка Бабинов; да будет та земля их старинная ясачная, а тот Ортюшка с товарищи будет деревню поставил насиль-

⁵ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 21. Оп. 4. Д. 8. Л. 61.

⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 269 об.–270.

⁷ СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 8. Л. 139–139 об.

ством без вашего указа, и ты б ту землю отдал Туринского острогу ясачным татарам, а Ортюшке б еси отказал и вперед ему тою их землю владеть не велел» [26, с. 296].

18 июля 1628 г., грамота на Тюмень воеводе Петру Пушкину: «Писал еси к нам и прислал под отпискою Тюменсково уезду Кынырские и Бачкурские и Терсяцкие волости ясачных татар Ясаула Мурзагелдея Енабекова с товарищи челобитную, а в челобитной их написано: платят де они нам наш ясак по вся годы бобрами и лисицами и белками, с женатых в цену против 3 рублей 10 алтын; а с холостых в полы; и нынешней де на 136-й год ваш ясак платим с великою нужною, что прикочевали под Тюмень многие колмацкие люди и их ясашных людей вотчинные речки, и угодыя у них у ясачных людей отняли... И мы указали: ... будет колмацкие люди не послушают, прочь не пойдут и тюменским ясачным людям тесноту и налогу учнут чинити, вотчинные их угодыя пустошити и их учнут грабить и побивать, и на них посылать тюменских служилых людей» [26, с. 394–395].

В писцовых книгах Михайла Кайсарова по Кунгурскому уезду все угодыя ясачных татар/остяков записаны как вотчины: «А вотчина у них у всех Рожинских остяков река Шаква от вершины и до устья реки до Сылвы, по обе стороны, на сто пятьдесят верст с бортные ухожеи, и звериными и с рыбными ловлями, и з бобровыми гоны... А вотчина их старинная, обща с сылвенскими остяками с Танайком Ебалаковым, да Сыгбирдейком Баишевым... по реке по Сылве вверх от остяткого от Молебного Камени до Частова острова, по обе стороны реки Сылвы на пятнатцеть верст со всеми угоды; да река Сылва же от Малыя речки до речки Тару; да речка Таз от вершины до устья до реки до Сылвы по обе стороны на пятнадцеть верст; а знамена их писаны выше сего – с Рожинским и Шаквинскими знамены вместе. Рожина же улусы юрты стоят врозни по реке по Сылве и по малым речкам... А вотчина тех Юрманских остяков по реке по Сылве вверх от озера Акзибая выше Органы речки до Сухова врагу, по правой стороны Сылве, со всеми угоды...» и т.д. [19].

Отписка туринского воеводы царю, 1632 г.: «И на прошлые, государь, годы твой государев ясак будет в недоборе, что многие ясашные татарова обнищали, а иные престарели, и ис слобод ходят в их вотчинах русские люди, зверь побивают и огни пуцают, и тем зверь отогнали» [27, с. 460].

Царская грамота 1678 г.: «Тюменские де служилые и ясачные Татарова владели изстари же вотчинными землями на Тоболе реке, а ныне де на тех их старинных вотчинах и урочищах ловят всякого зверя, бобры и выдры, и хмель и орловые гнезда снимают силно всяких чинов Русские люди, и их Татар теснят и изгоняют, а с тех де вотчин они служилые Татарова служат нашу Великого Государя службу, а ясачные пашут пашню и ясак платят» [3, с. 49–50].

Предупреждая вопросы о том, что вотчинное право на землю существовало якобы только в случае наличия жалованных грамот и других подобных документов – в документах, откуда взяты приведенные выше цитаты, ничего не говорится о правоустанавливающих документах, просто констатируется наличие вотчин и уплата с них ясака (несение службы). Могут привести примеры из практики Уфимского уезда, когда ясачные люди прямо указывали на отсутствие каких-либо документов, подтверждавших их права на земли, кроме ясашной книги, но это совершенно не препятствовало признанию за ними

вотчинных прав. 1694 г., грамота из Приказа Казанского дворца уфимскому воеводе Д.Н. Головину: «Били челом государем Уфимского уезда Осинской, Казанские, Сибирские и Ногайские дорог башкирцы, тарханы и ясашные, Тлешка Вегенешев, Карманка Бекбовов, Ишека Ишкилдин, Кулчерка Кильмяков с товарищи: наше де великих государей жалованья вотчины за ними в Уфимском уезде – леса, рыбные ловли, бобровые гоны и звериные ловли и всякия угодыя, и тем нашим великих государей жалованьем вотчинами истари пращуры и прадеды, и деды, и отцы их владели по своим урочищам и тамгам, и они також владеют по родству по прежним тамгам и урочищам, и на те их старинные вотчины у прадедов, и дедов, и у отцов их письменных крепостей нет, кроме ясашной книги, по чему платят в нашу, великих государей, казну куничной и лисий ясак и медвяной оброк... И как к тебе ся наша, великих государей, грамота придет, и ты б их угодий и земель русским пришлым людям в оброк и в тягло и в службу отдавать не велел» [23, с. 82–83, № 13]. В 1750-х гг. башкиры Бала-Катайской волости объясняли: «А чем оная земля им, белокатайцам, то есть дедам их и прадедам крепка, были ль какие данные крепости или указы, того он, Абдулла и другие белокатайские старожилы никто не знают. У него Абдуллы и ни у кого никакого виду не имеетца, владеют издревле ею, как и других волостей башкирцы»⁸. На что чиновники Исетской провинциальной канцелярии отмечали: «В Ысецкой правинциальной канцелярии определено: хотя предписанным Абдуллой никакого права, кроме того, что издревле прапрадеды, прадеды, деды и они тою землею владеют, не объявил, но небезъизвестно, и других волостей у вотчинников не у всякова крепости или грамоты есть, а владеют из давних лет, тако ж как Абдулла с товарищи»⁹. Таким образом, власти вполне признавали право владения вотчинами «по старине» и не требовали обязательного наличия жалованных грамот. Подчеркиваю, в последнем случае речь идет о середине XVIII в.

Примеры приводить можно было бы очень долго. Я бы не стал цитировать и эти документы, поскольку у меня наличие вотчинного права у ясачного населения сомнений не вызывает, но в кулуарных спорах выяснилось, что некоторые коллеги, давно занимающиеся этнической историей Сибири, придерживаются противоположной точки зрения. Представленные выше цитаты относятся к официальным документам своего времени: царские грамоты, писцовые книги, воеводские отписки. Сведения, представленные в них, отображают официальную, государственную позицию. И если в подобных документах раз за разом по отношению к землям ясачных людей повторяются определения «вотчины» и «вотчинные угодыя», то ясно, что понятия «земли ясачных людей» и «вотчины» являются синонимами. Еще один очень важный момент – практически во всех процитированных документах возможность уплаты ясака увязана с возможностью пользования вотчинными угодыями. Если по какой-то причине вотчинные угодыя становятся недоступны – калмыки ли не дают возможности их использовать или русские люди, – то уплата ясака ставится под вопрос. Соответственно, ясачные люди пользовались вотчинным правом. Если кто-то считает иначе, то ему придется дезавуировать определения «вотчины» и «вотчинные угодыя», использованные в офи-

⁸ РГАДА. Ф. 411. Оп. 1. Д. 7. Л. 129.

⁹ РГАДА. Ф. 411. Оп. 1. Д. 7. Л. 129 об.

циальных документах XVII–XVIII вв. по отношению к землям ясачных волостей, ясачных людей.

Не отличалась от описанной выше и ситуация к западу от Уральского хребта. В царском указе от 15 марта 1621 г., направленном в Чердынь (Пермь Великую) по жалобе сылвенских татар и остяков, сказано: «а впредь в ту их вотчинную татарскую землю и в угодыя Ондрею и Петру Строгановым, и Русину и Федору с братьею Елисеевым и иным кому, насильством ступаться и владеть не давать» [4, с. 165–167]. А.А. Преображенский упоминал: «9 марта 1705 г. был издан указ, адресованный кунгурским бургомистрам, который предусматривал отмену некоторых нововведенных сборов «с ыноверных иноземцев», а также предписывал возвратить ясачным людям «по-прежнему» те угодыя, которые были отданы на откуп посторонним людям» [35, с. 169]. В 1682 г. именным царским указом запрещено было отдавать ясачные земли мордвы, черемисы и чувашей русским помещикам [33, с. 471]. В «Писцовой книге мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/1630) года» вполне обычной является запись наподобие этой: «С тое ж Стануровские мордвы, оприч Маканка Тотина с товарищи, шти человек, с их вотчин, з бортных ухожеев, по их скаске верхового медвеного оброку четыре пуда пятнатцать гривенок меду, да пошлин с пуда по пяти денег. Ясачных денег дватцать алтын пять денег. Да за две куницы дватцать шесть алтын четыре деньги» [9, с. 159]. Перетяткович отмечал, что «Туземцам в Казанской области правительство предоставило исключительное владение бортными ухожееми в лесах и бобровыми гонами в реках... Промышленные люди обложены были ясаками, которые они давали по ‘старым книгам в государеву казну’...» [30, с. 255–256]. В другой книге он цитирует указ из Москвы, направленный в Казань в связи с переселением на земли Казанского уезда Полоцкой шляхты: «а построить бы их (шляхтичей)... на землях, которыя-б земли не подошли близко всяких ясачных угодей и бортных ухожеев, – а земель бы ясачных в даче отнюдь не было бы» [31, с. 261].

Возвращаясь к теме «службы» ясачных. Перетяткович отмечал: «Татары, Чуваши, Черемисы и Мордва должны были нести еще государеву службу» [30, с. 256]. Относительно мордвы Кадомского уезда, которая платила в казну куничные, ясашные деньги, медвяный оброк и посыпной хлеб, владела вотчинами – бортными ухожееми – А.В. Беляков замечает: «статус мордвы Восточной Мещеры обладал значительными особенностями, истоки которых следует искать в прошлом региона. Долгое время существовавший приграничный статус прицненских и примокшских земель способствовал тому, что все его население (или же значительная его часть) в той или иной степени становилось служилым» [9, с. 156]. И достаточно интересный фрагмент из справки о тарханских грамотах, составленной в 1733 г. относительно тарханства в Уфимском уезде: «во всем народе башкирском такая Имперарского величества милость прославитца и более к верности и к службе побуждены будут новыя надеясь нового тарханного награждения»¹⁰. Имеется в виду ревность к службе именно ясашного населения, представители которого за службу могут быть награждены тарханским «достоинством» и освобождением от уплаты ясака. Описывая ситуа-

¹⁰ АВПРИ. Ф. 108. Оп. 1. 1733 г. Д. 1. Л. 2.

цию в Казанском уезде конца XVI – начала XVII вв., А.С. Смирнов пишет: «На ясак распространялся принцип обязательной службы с земли, установленный Уложением о службе 1556 г.» [39, с. 189].

Приведу еще один сюжет. П.Н. Буцинский описывает панику, которая охватила ясачное население Сибири, когда Борис Годунов в честь своей коронации освободил их на год от уплаты ясака: «остяки, вогулы и татары от этой вести пришли в недоумение и они начали смотреть на редкое благодеяние царя, как на средство, которым он хочет их обмануть для своих злых намерений» [11, с. 319]. Далее он рассказывает, что ясачные люди нашли этому следующее объяснение: царь Борис хочет всех простых людей отправить на службу на семь лет, а лучших людей насильно взять в Москву [11, с. 319]. Понять сегодня, что явилось причиной паники, достаточно сложно, но есть возможность сравнить эту ситуацию с гораздо более поздней, но весьма схожей, – в 1750-х гг. власти решили снять с башкир и мещеряков обязанность платить ясак и заменить ее обязательной покупкой соли. Оренбургский губернатор И.И. Неплюев сообщал Сенату, что первоначальная реакция была скорее негативной: «имели сперва сумнение в том, что ежели с них ясак снимется, то им б чрез то земель своих не лишиться, яко оной на них расположен и числиться по землям», однако, после обещаний, что вотчинные земли останутся за ними, «кажется они, башкирцы и мещеряки, охотно к тому приступили и за отягощение себе не вменяют, разсуждая ис того пользу, что они бес платежа единственно служивыми будут, так как и казаки» [22, с. 427]. Но при этом И.И. Неплюев просил Сенат «о том указом е.и.в. публиковать, изобразя в нем, что они, башкирцы и мещеряки и между ими упомянутые находящиеся татары, служивыя люди и имеют свои земли, которыми по-прежнему владеть, как ныне владеют, из милосердия е.и.в. от ясака освобождаются в надежде, что они по своему званию тое высочайшую милость е.и.в. своею верностию и службою заслужат» [22, с. 428]. То есть освобождение от уплаты ясака для ясачного населения означало потерю вотчинного права на землю. Сохранение вотчинных угодий связывалось либо с ясачным, либо со служилым статусом. Обратите внимание, что ясачные люди в конце XVI в. выбрали «объяснением» отмены ясака версию о дальней и долгой службе, т.е. замену «службы» в виде ясака реальной военной службой.

Следовательно, ясак являлся видом подати (самим ясачным населением воспринимаемой как «служба») и был неразрывно связан с наличием у ясачного населения ясачных/вотчинных земель. Ясак уплачивался с вотчины. По крайней мере, именно так обстояло дело в приуральских и зауральских уездах лесной и лесостепной зоны: Кунгурском, Уфимском, Верхотурском, Тюменском, Туринском, Пелымском. Аналогичная ситуация и в Поволжье, с той поправкой, что население там было в целом земледельческое, и вотчинное право распространялось лишь на бортные ужожи и бобровые гоны. Соответственно, вырисовываются связка «право – обязанность», выделявшая сословие ясачных людей среди других сословий: обязанность уплаты ясака и право владения вотчинными угодьями.

Иными являлись взаимоотношения Российского государства и населения севера и северо-востока Сибири. На разнообразных примерах показал весьма различные методы и результаты политики объясачивания в Восточной Сибири XVII в. А.А. Бродников: от добровольного вхождения «енисейских остя-

ков» до упорного сопротивления тунгусов. При этом в работе достаточно четко показана разница между населением Северо-Восточной Сибири, которое никогда раньше не платило кому-либо ясак, и жителями южной части: «В южных районах Сибири, на которые распространялось влияние монгольских государственных образований и где население издавна было знакомо с «албаном», процесс объясачивания определялся силой, возможностями той или другой стороны» [10]. Более детально объяснил эти различия А.С. Зуев: «Наряду с народами запада и юга Сибири, которые знали систему господства-подчинения, выражавшуюся в данничестве и кыштымстве, имели государственные образования (сибирские татары), либо близкие к ним политические структуры (енисейские кыргызы), либо крупные клановые («родовые») объединения с относительно стабильной и стратифицированной властной элитой, были и народы севера и востока Сибири, чья социальная организация отличалась дисперсностью, а какие-либо объединения (в хозяйственных или чаще в военных целях) – аморфностью и временным характером, и у которых отсутствовали явно выраженные социальная стратификация и дифференциация и какие-либо управленческие институты, а предводители не обладали никакой принудительной властью над сородичами» [17, с. 62]. То есть взаимоотношения государства с населением северных территорий, которое, с одной стороны, не имело выраженной социальной стратификации, соответственно, не имело практики уплаты податей внутри своих сообществ, а, с другой стороны, не сталкивалось ранее с необходимостью уплаты дани кому-либо извне, поневоле строилось с помощью приемов дарообмена, поскольку иные варианты взаимоотношений были для местного населения «не в обычай». Как отметил А.С. Зуев: «Даже в середине XIX века в Своде законов Российской империи чукчи относились к народам «не вполне покоренным», которые «платят ясак, количеством и качеством какой сами пожелают» [16]. Достаточно сложно (если вообще возможно) рассматривать их как таких же ясачных людей, что и ясачные татары Тюменского уезда или ясачные вогулы Верхотурского уезда, которые уже в конце XVI в. платили окладной ясак.

Очевидно, что в ситуации с племенами северо-востока Сибири, в первую очередь с чукчами, словом «ясак» обозначался иной вид получаемых с населения натуральных приношений, нежели в лесных и лесостепных уездах запада и юга Сибири. Общим здесь является только название – «ясак», но его использование вовсе не приводит к унификации взаимоотношений государства с разными группами населения. Точно так же, как и слово «служба» имело довольно большое количество значений даже применительно к служилому населению. Поэтому распространять трактовку ситуации взаимоотношений Российского государства с населением севера и северо-востока Сибири на всю сибирскую территорию, как минимум, странно.

Таким образом, понятия ясака и «службы» связаны достаточно тесно, точно так же, как понятие ясака и ясачных/вотчинных угодий. Но для разных районов Российского государства в XVII–XVIII вв. наблюдается значительная разница и в понятиях «ясачные земли»/ «вотчинные угодья», и в характере ясака, и в конкретных службах, которые несло ясачное население.

3. Относительно того, что статус ясачных людей Сибири («сибирских иноземцев») не был юридически определен, а «Соборное уложение» его не отобразило.

«Соборное уложение» охватывает только часть правовых реалий своего времени, как и предшествовавшие ему кодифицированные документы не отображали всего разнообразия правовых и социальных отношений, существовавших в Русском государстве. Большое количество прав и обязанностей представителей разных сословий было закреплено в обычном праве (владение «по старине» и т.д.), а также в отдельных указах, памятях и прочих документах, исходивших от имени царя. И как раз те самые шерты и воеводские указы, которые упомянул А.Ю. Конев, являлись полноценными юридическими документами Русского государства. Наряду с Соборным уложением. А также царские памятки и указы о сборе ясака, защите интересов ясачного населения и т.д. Часть подобных документов процитирована выше. Поэтому утверждать, что ясачное население не имело юридического статуса, более чем странно.

Даже при том, что «Соборное уложение» оставляло за «рамками» достаточно много аспектов жизни Русского государства того времени, мы можем найти в нем конкретные указания на ясачное население: «А будет которые московские и из городов дворяне и дети боярские, и всяких чинов люди учнут в городех у князей, и у мурз, и у татар, и у мордвы, и у всяких ясачных людей земли имати з дачею, или покупати, или в заклад, или в наем на многия лета имати, или меняти, и у тех всяких чинов людей те татарския поместныя и ясачныя земли имати на государя, да им же за то от государя бытии в опале» [32, с. 80–81]. Я обращаю внимание читателей на два понятия – «татары» и «всякие ясачные люди». Словом «татары» обозначалось достаточно большое количество групп населения не только Поволжья и Урала, но и Сибири, от «татар» Верхотурского, Тюменского и т.д. уездов и до «братских татар». Поэтому мы вполне можем интерпретировать эту статью, как касающуюся татар вообще, включая сибирских. Ну а фраза «всякие ясачные люди» опять же вряд ли может быть истолкована иначе, чем обозначение вообще всех ясачных людей Русского государства. Тем более, что в документах, касающихся Сибири, основным обозначением является вовсе не «ясачные иноземцы», а «ясачные люди». Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно открыть приложения к «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера, «Акты исторические», «Дополнения к Актам историческим» и т.д.

Приведенная выше цитата, упоминающая ясачные земли, взята из статьи 43 главы XVI «Соборного уложения», а эта глава называется «О поместных землях», хотя речь в ней идет и о поместьях и о вотчинах [32, с. 74–87], впрочем, как и в следующей, XVII главе, которая называется «О вотчинах», точно так же встречаются и статьи о поместных землях [32, с. 87–100]. Соответственно, юридический статус ясачного населения определялся как статьей 43 главы «О поместных землях» «Соборного уложения», так и наказными грамотами воеводам, шертными записями, царскими указами по поводу ясачных земель, уплаты ясака и т.д. и т.п. То есть всех тех актов, которые мы можем охарактеризовать как «источники права».

На мой взгляд, основными проблемами упомянутых работ А.Ю. Конева являются: 1. Плохое владение материалом XVI–XVII вв. – историография не заменяет собственного исследовательского багажа; 2. Искусственное сужение

географии темы до границ Сибири, основанное практически на одном более чем зыбком основании – представлении о том, что термин «иноземцы» («ясачные иноземцы») относился исключительно к сибирскому автохтонному населению; 3. Наоборот, необоснованное распространение интерпретации фактов, характерных для истории приполярного ясачного населения, на всю территорию Сибири. Фактически вторая и третья проблемы вытекают из первой.

Отсюда же и абстрактность некоторых выводов: «Представляется, что подчинение многочисленных народов Урала и Сибири в XVI–XVII вв. происходило не путем их политико-административного и социально-экономического поглощения или встраивания в существующие институты, как это чаще всего трактуется исследователями. Интеграция осуществлялась способом достройки к соответствующим системам государства не существовавших до того и не достающих структур и связей. Русское государство в прямом смысле прирастало не только территориями и населяющими их людьми, но и соответствующими социальными и административными формами и институтами, постепенно становясь империей» [21, с. 140]. Не ясно, какие именно структуры «достраивались», какие «социальные и административные формы и институты» прирастали – об этом в статье ничего не сказано. Я просто напомню, что территории Урала и Сибири первоначально управлялись приказом Казанского дворца, а когда понятие «Сибирь» стало обозначать не только Сибирский юрт и прилегающие к нему земли, а огромные территории, раскинувшиеся до Тихого океана, был создан отдельный Сибирский приказ. К «моменту» присоединения Сибири в ведении приказа Казанского дворца находились территории Поволжья и Прикамья, часть населения которых составляли ясачные люди и другие «иноземцы», в том числе служилые. Соответственно, «соответствующие формы и институты» уже существовали и были использованы после включения в состав Московского государства территорий и населения бывшего Сибирского ханства, части ясачных Ногайской орды, а затем и территорий к востоку и северу от Сибирского юрта. Так что население Сибири именно что «встраивалось» в существующую схему управления и социальную структуру Московского государства.

Это вовсе не отрицает усложнения системы управления по мере необходимости, свидетельством чему является создание Сибирского приказа. Что же касается социальной структуры, то А.С. Зувев справедливо отметил, что «русская власть уже с начала присоединения Сибири ввела для местных народов понятную себе самой социальную градацию, которая не вполне отражала реалии социальных и потестарно-политических отношений в аборигенных сообществах, зато была весьма проста, будучи представлена всего четырьмя основными стратами – правители (князья) разной степени самостоятельности, лучшие люди (включавшие местную «знать» и управленцев разного уровня, если таковые были), улусные люди и холопы (к последним, как правило, относили всех зависимых людей)» [17, с. 67]. «... Вместе с тем стали наблюдаться заметные новации в подходах русской власти к осмыслению и конструированию политического и социального пространства новых «землиц» [17, с. 67].

Выводы

Очень кратко о том, какой представляется мне ситуация с ясачным населением России для XVII в. Ясачных людей можно разделить на три категории:

1. Население Поволжья и, частью, Прикамья, которое к моменту вхождения в состав Московского государства уже давно практиковало земледелие и не очень сильно отличалось от русского крестьянства. В этом случае ясак был скорее пережитком и зачастую сочетался с другими формами платежа (оброк на пашенные земли). Ясаком обкладывали бортные угодья, бобровые ужожи и т.д. Соответственно, в этой ситуации разделялись пашенные и покосные земли и ясачные угодья. Кстати, пункт о неприкосновенности бобровых гонов был почти универсальным и прописывался в том числе и в наказных памятях на основание слобод в Зауралье и Западной Сибири: «та земля порозжия и в даче и в отводе не за кем не бывали и звериных промыслов и бобровых гонов мест нет; «вновь под слободу сыскать большим повальным обыском русскими людьми и татары что та земля подлинно ль порозжа и лежит впусе... бобровых гон в тех местех и спору и челобитья какова о той земле нет ли»¹¹. По своему характеру это население скорее ближе к черносошному крестьянству, что отметил в своей работе А.В. Беляков [9, с. 156], но обязанность выплачивать ясак и вотчинное право на ясачные (оброчные) земли выделяют его из состава этого сословия и сближают собственно с ясачным населением.

2. Население Урала, запада и юга Сибири, давно входившее в сферу влияния, либо составлявшее население различных государственных образований, для которого ясак был традиционной формой подати на протяжении нескольких столетий до включения в российское подданство, а тип хозяйства подразумевал именно натуральный характер уплаты податей, преимущественно пушнина (для приуральских территорий также традиционным продуктом уплаты ясака/оброка был мед). После принятия российского подданства значительных изменений в характере обложения для этого населения не произошло. А вот отличия набора их прав и обязанностей от ясачных Поволжья и Прикамья весьма существенны: ясачные Урала и запада и юга Сибири занимались скотоводством в сочетании с охотой и рыбной ловлей, либо охотой и рыбной ловлей. Земледелие значительной роли в их экономике не играло. Соответственно, в качестве вотчинной выступала вся земля/территория, с которой уплачивался ясак, т.е. вся территория хозяйствования: «медвяныя их ужожи, и бобровые гоны, и звериные и рыбныя ловли, с чего де они нам ясак платят» [4, с. 165–167]. Ясак этого населения с конца XVI в. был четко фиксированным и, как и в случае с поволжскими и прикамскими ясачными людьми, являлся формой государственной подати. Это население можно назвать собственно ясачным, поскольку ясак для него является основной формой государственной подати, а вотчинное право в идеале распространялось на все территории хозяйствования.

3. Третий вариант представляли собой взаимоотношения Российского государства с населением северных и северо-восточных сибирских территорий. Это население, с одной стороны, не имело выраженной социальной стратификации, соответственно, не имело практики уплаты податей внутри своих сообществ, а с другой стороны, не сталкивалось ранее с необходимостью уплаты дани кому-либо извне. В этом случае процесс включения автохтонов в состав российских подданных и обложения их регулярной податью значительно осложнялся, поскольку аборигены не имели опыта подобных отноше-

¹¹ Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 97. Л. 1 об.

ний и не видели никакого смысла платить кому-то ясак. В этой ситуации включение нового населения в орбиту влияния Российского государства зачастую обретало форму дарообмена – того типа взаимоотношений, который характерен для сообществ, находящихся на догосударственной стадии развития. Задача государства заключалась в том, чтобы не выпускать это население из сферы своего влияния и постепенно переводить отношения в русло традиционных взаимоотношений «государство – подданные». Это было, по большому счету, условно ясачное население, поскольку уплата ясака в некоторых случаях еще и в XIX в. оставалась для него делом сугубо добровольным, а вопросы собственности/владения землей достаточно сложны, как и вопросы подданства. Распространять интерпретацию взаимоотношений государства с этим населением на ясачные группы запада и юга Сибири нельзя ни в коем случае – это разные группы и разные взаимоотношения.

Эти выкладки не претендуют на завершенность. Скорее это попытка предварительной оценки ясачного населения в его многообразии. Вполне допускаю, что в результате последующих исследований население, платившее ясак в казну Российского государства в XVI – первой половине XVIII вв., будет «разделено» на большее количество страт. Одной из самых больших проблем на сегодняшний день является более чем слабая изученность отдельных групп ясачного населения. Я уже упоминал в начале статьи, что политике государства в отношении ясачного населения посвящено не так уж мало работ, но вот анализа, что же собой представляло это самое население, не в плане родового/племенного состава, а в социальной структуре государства, откровенно не хватает. Равно как и работ, посвященных анализу самого явления ясака в Российском государстве. Опять-таки я имею в виду не числовое выражение, а именно вопрос: что из себя представлял ясак в системе взаимоотношений государства и разных групп ясачного населения? Причем не хватает работ, которые бы рассматривали конкретно ясачное население Казанского, Кадомского, Кунгурского, Тюменского, Красноярского и т.д. уездов. В отсутствии таких исследований обобщающие работы, основанные на историографии, неизбежно будут «хромать», а иногда транслировать откровенно неверные выводы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические собранные и изданные Археографической комиссией. Т. III: 1613–1645. СПб., 1841. 538 с.
2. Акты исторические собранные и изданные Археографической комиссией. Т. IV: 1645–1676. СПб., 1842. 599 с.
3. Акты исторические собранные и изданные Археографической комиссией. Т. V: 1676–1700. СПб., б.д. 572 с.
4. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. Дополнены и изданы высочайше учрежденною Комиссиею. Том третий. 1613–1645. СПб., 1836. 518 с.
5. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука, 1991. 400 с.
6. Бахрушин С.В. Ясак в Сибири в XVII в. // Сибирские огни. 1927. № 3. С. 95–129.
7. Беляков А.В. Мещерские казаки (татары) XV–XVII вв. Встраивание в структуру служилых людей Московского государства // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. 272 с: ил. С. 67–72.

8. *Беляков А.В.* Организационная структура служилых татар в Русском государстве конца XV – первой половины XVII в. // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск. V. Стояние на реке Угре 1480, Ч. I. [Электронный ресурс] Адрес доступа: http://www.milhist.info/2015/11/17/belyakov_1/ (дата обращения: 10.03.2018).
9. *Беляков А.В.* Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. 2013. № 5. С. 154–210.
10. *Бродников А.А.* Сбор ясака: зависимость процесса объясачивания от потестарно-политической ситуации в регионе (по материалам Восточной Сибири XVII в.) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999. С. 119–123.
11. *Буцинский П.И.* Заселение Сибири и быт ея первых насельников. Харьков, 1889. 353 с.
12. *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.* Ясак в Сибири в XVIII – начале XX века. Иркутск: Издательство ИГУ, 2014. 303 с.
13. *Дмитриев А.А.* Пермская старина. Вып. 7: Верхотурский край в XVII веке. Пермь, 1897. 258 с.
14. Дополнения к Актам историческим собранным и изданным Археографической комиссией. Т. III. СПб., 1848. 553 с.
15. Дополнения к Актам историческим собранным и изданным Археографической комиссией. Т. IV: 1655–1664. СПб., 1851. 445 с.
16. *Зуев А.С.* «Немирных чукчей искоренить вовсе...» // Сибирская заимка [Электронный ресурс] Адрес доступа: <http://zaimka.ru/zuev-chukchi/> (дата обращения: 17.03.2017)
17. *Зуев А.С.* Освоение Московским государством социально-политического пространства Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, выпуск 8: История. С. 61–72.
18. *Игнаткин П.С.* Соционим «иноземцы» применительно к народам Сибири в деловой письменности Московской Руси (вторая половина XVI – начало XVII в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 92–94.
19. *Ислаев Ф.* Писцовая книга пермских татар // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2008. № 1. С. 45–59.
20. *Конев Ю.А.* Дар, дань и торговля: антропология взаимодействия автохтонов Сибири и русских в XVII–XVIII вв. // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 43–56.
21. *Конев Ю.А.* Народы Сибири в социально-правовом измерении империи: современные подходы к изучению // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. науч. трудов. Омск: полиграфический центр КАН, 2016. 480 с. С. 135–144.
22. Материалы по истории Башкирской АССР. М.: Наука, 1956. Т. 4. Ч. 1. 396 с.
23. Материалы по истории Башкирской АССР. Часть I. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. 631 с., карты.
24. Материалы по истории русско-монгольских отношений 1654–1685. Сборник документов. М., 1996. 559 с.
25. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. I. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005. 630 с.
26. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. II. М.: Восточная литература РАН, 2000. 796 с.
27. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. III. М.: Восточная литература РАН, 2005. 598 с.
28. *Опарина Т.А.* Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 384 с.
29. Памятники Сибирской истории XVIII в. Книга первая: 1700–1713. СПб., 1882. 551 с. + XXXIV стб.

30. *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. 331 с.
31. *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края) // Записки императорского Новороссийского университета. Т. 34. Одесса, 1882. 409 с.
32. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. I. С 1649 по 1675. СПб., 1830. 1075 с.
33. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. II. 1676–1688. СПб., 1830. 978 с.
34. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. III. 1689–1699. СПб., 1830. 692 с.
35. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М.: Наука, 1972. 261 с.
36. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Том второй. СПб., 1875. 656 с.
37. *Савченко С.Н.* Ясачная политика царской администрации в период освоения Приамурья русскими в XVII в. // Записки Гродековского музея. Вып. 5. Хабаровск, 2003. С. 7–23.
38. Сборник императорского Русскаго историческаго общества. Т. 59. СПб., 1887. 706 с.
39. *Смирнов А.С.* Землевладение и хозяйство инородцев Казанского уезда во второй половине XVI – начале XVII века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3 (1). С. 186–193.
40. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Часть первая. М., 1813. 533 с.
41. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Часть вторая, служащая дополнением к первой. М., 1819. 399 с.
42. Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1971. Т. 13. 1022 стб.
43. *Устрялов Н.Г.* Именитые люди Строгановы. СПб., 1842. 120 с.: прил., карта.
44. *Шерстова Л.И.* Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 312 с.
45. Якутия в XVII веке (Очерки). Сборник под редакцией С.В. Бахрушина и С.А. Токарева. Якутск: Якутское книжное издательство, 1953. 441 с.

Сведения об авторе: Гаяз Хамитович Самигулов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета (454080, просп. Ленина, 76, Челябинск, Российская Федерация). E-mail: gayas_@mail.ru

*Поступила 20.02.2018 Принята к публикации 25.05.2018
Опубликована 29.06.2018*

REFERENCES

1. *Akty istoricheskie sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissiey* [Historical Acts collected and published by Archaeographic Commission]. Vol. III: 1613–1645. St. Petersburg, 1841. 538 p. (In Russian)

2. *Akty istoricheskie sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissiiy* [Historical Acts collected and published by Archaeographic Commission]. Vol. IV: 1645–1676. St. Petersburg, 1842. 599 p. (In Russian)

3. *Akty istoricheskie sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissiiy* [Historical Acts collected and published by Archaeographic Commission]. Vol. V: 1676–1700. St. Petersburg, b.d. 572 p. (In Russian)

4. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii Arkheograficheskoyu ekspeditsiiyu imperatorskoy Akademii nauk. Dopolnenny i izdany vysochayshe uchrezhdennoyu Komissiiyu* [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by Archaeographic expedition of the Imperial Academy of Sciences. Amended and published by the Imperial established Commission]. Vol. 3:1613–1645. St. Petersburg, 1836. 518 p. (In Russian)

5. Aleksandrov V.A., Pokrovskiy N.N. *Vlast' i obshchestvo. Sibir' v XVII v.* [Power and Society. Siberia in the 18th century]. Novosibirsk, Nauka Publ., 400 p. (In Russian)

6. Bakhrushin S.V. *Yasak v Sibiri v XVII v.* [Yasak in Siberia in the 17th century]. *Sibirskie ogni=Siberian lights*. 1927, no. 3, pp. 95–129. (In Russian)

7. Belyakov A.V. Meshcherskie kazaki (tatory) XV–XVII vv. Vstraivanie v strukturu sluzhilykh lyudey Moskovskogo gosudarstva [The Meshcherskie Kazaks (Tatars) in the 15th–17th centuries. Incorporation to the structure of the sluzhilye people of the State of Moscow]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva = Medieval Turkic-Tatar states*. 2016, no. 8, pp. 67–72. (In Russian)

8. Belyakov A.V. Organizatsionnaya struktura sluzhilykh tatar v Russkom gosudarstve kontsa XV – pervoy poloviny XVII v. [Organizational structure of the sluzhilye Tatars in Russian State in the end of the 15th – the first half of the 17th century]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki=History of warfare: researches and sources*. 2015. Special issue. Vol. 5. Standing on the river Ugra, 1480. Part I. Available at: http://www.milhist.info/2015/11/17/belyakov_1/ (last accessed 10.03.2018). (In Russian)

9. Belyakov A.V. Pistsovaya kniga mordovskikh sel Kadomskogo uезда 138-go (1629/30) goda [The Cadaster book of Mordva villages of Kadomskiy uезд in 138 (1629/30)]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva=Medieval Turkic-Tatar states*. 2013, no. 5, pp. 154–210. (In Russian)

10. Brodnikov A.A. Sbor yasaka: zavisimost' protsessa ob'yasachivaniya ot potestarno-politicheskoy situatsii v regione (po materialam Vostochnoy Sibiri XVII v.) [Collection of yasak: dependency of the process of ob'yasachivanie from the potestarno-political situation in the region (according to Eastern Siberia materials of the 17th century)]. *Evraziya: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsiy*. Is. 1. *Kul'turnyy kosmos Evrazii = Eurasia: cultural heritage of ancient civilizations*. Is. 1: *Cultural cosmos of Eurasia*. Novosibirsk, 1999, pp. 119–123. (In Russian)

11. Butsin'skiy P.I. *Zaselenie Sibiri i byt eya pervykh nasel'nikov* [Peopling of Siberia and way of life of its first inhabitants]. Kharkov, 1889. 353 p. (In Russian)

12. Dameshek L.M., Dameshek I.L. *Yasak v Sibiri v XVIII – nachale XX veka* [Yasak in Siberia in the 18th – early 20th century]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2014. 303 p. (In Russian)

13. Dmitriev A.A. *Permskaya starina*. Vol. 7: *Verkhotur'skiy kray v XVII veke* [Perm's antiquity. Vol. 7: Verkhoturie in the 17th century]. Perm, 1897. 258 p. (In Russian)

14. *Dopolneniya k Aktam istoricheskim sobrannym i izdannym Arkheograficheskoy komissiiy* [Amendments to historical acts collected and published by the Archaeographic Commission]. Vol. III. St. Petersburg, 1848. 553 p. (In Russian)

15. *Dopolneniya k Aktam istoricheskim sobrannym i izdannym Arkheograficheskoy komissiiy* [Amendments to historical acts collected and published by the Archaeographic Commission]. Vol. IV: 1655–1664. St. Petersburg, 1851. 445 p. (In Russian)

16. Zuev A.S. «Nemirnykh chukchey iskorenit' vovse...» [“To completely destroy the non-friendly Chukchi...”]. *Sibirskaya zaimka=Siberian zaimka*. Available at: <http://zaimka.ru/zuev-chukchi>. (last accessed: 17.03.2018) (In Russian)

17. Zuev A.S. Osvoenie Moskovskim gosudarstvom sotsial'no-politicheskogo prostranstva Sibiri [The absorption of the social-political space of Siberia by the State of Moscow]. "Bulletin of the Novosibirsk State University". Series: "History and Philology", 2013, vol. 12, is. 8: History, pp. 61–72. (In Russian)

18. Ignatkin P.S. Sotsionim «inozemtsy» primenitel'no k narodam Sibiri v delovoy pis'mennosti Moskovskoy Rusi (vtoraya polovina XVI – nachalo XVII v.) [The socionim "foreigners" in relation to Siberian peoples in business writing of Moscow Rus' (second half of the 16th – early 17th century)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri=Humanities in Siberia*. 2013, no. 4, pp. 92–94. (In Russian)

19. Islaev F. Pistsovaya kniga permskikh tatar [The Cadaster book of the Perm' Tatars]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [Echo of the centuries]. 2008, no. 1, pp. 45–59. (In Russian)

20. Konev Yu.A. Dar, dan' i trgovlya: antropologiya vzaimodeystviya avtokhtonov Sibiri i russkikh v XVII–XVIII vv. [Gift, tribute and trade: anthropology of relationship between native Siberians and Russians in the 17th–18th centuries]. *Etnograficheskoe obozrenie=Ethnographic review*. 2017, no. 1, pp. 43–56. (In Russian)

21. Konev, Yu. A. Narody Sibiri v sotsial'no-pravovom izmerenii imperii: sovremennye podkhody k izucheniyu [Siberian peoples in social-legal dimension of the Empire: modern approaches to the study]. *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii=Asian Russia: people and structures of the Empire*, Omsk, 2016, pp. 135–144. (In Russian)

22. *Materialy po istorii Bashkirskoy ASSR* [Materials on the history of Bashkir ASSR]. Vol. 4. Part 1. Moscow, Nauka Publ., 1956. 396 p. (In Russian)

23. *Materialy po istorii Bashkirskoy ASSR* [Materials on the history of Bashkir ASSR]. Part 1. Moscow-Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1936. 631 p. (In Russian)

24. *Materialy po istorii russko-mongol'skikh otnosheniy 1654–1685. Sbornik dokumentov* [Materials on the history of Russian-Mongolian relations 1654–1685. A collection of documents]. Moscow, 1996. 559 p. (In Russian)

25. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. I. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2005. 630 p. (In Russian)

26. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. II. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000. 796 p. (In Russian)

27. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. III. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2005. 598 p. (In Russian)

28. Oparina T.A. *Inozemtsy v Rossii XVI – XVII vv. Ocherki istoricheskoy biografii i genealogii* [Foreigners in Russia in the 16th–17th centuries. Essays of historical biography and genealogy]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2007. 384 p. (In Russian)

29. *Pamyatniki Sibirskoy istorii XVIII v. Kniga pervaya: 1700–1713* [Monuments of Siberian history in the 18th century. First book: 1700–1713]. St. Petersburg, 1882. + XXXIV stb. 551 p. (In Russian)

30. Peretyatkovich G.I. *Povolzh'e v XV i XVI vekakh (Ocherki iz istorii kraya i ego kolonizatsii)* [The Volga river area in the 15th and 16th centuries (Essays on the history of the region and its colonization)]. Moscow, 1877. 331 p. (In Russian)

31. Peretyatkovich G.I. *Povolzh'e v XVII i nachale XVIII veka (ocherki iz istorii kolonizatsii kraya)* [The Volga river area in the 17th and early 18th centuries (Essays on the history of the region and its colonization)]. *Zapiski imperatorskago Novorossiyskago universiteta=Proceedings of the Imperial Novorossiisk University*. 1882. Vol. 34. 409 p. (In Russian)

32. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe s 1649 po 12 dekabrya 1825 goda* [Complete collection of laws of Russian Empire. Collection No. 1. From 1649 to December, 12, 1825]. Vol. I: 1649–1675. St. Petersburg, 1830. 1075 p. (In Russian)

33. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe s 1649 po 12 dekabrya 1825 goda* [Complete collection of laws of Russian Empire. Collection No. 1.

From 1649 to December, 12, 1825]. Vol. II: 1676–1688. St. Petersburg, 1830. 978 p. (In Russian)

34. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe s 1649 po 12 dekabrya 1825 goda* [Complete collection of laws of Russian Empire. Collection No. 1. From 1649 to December, 12, 1825]. Vol. III: 1689–1699. St. Petersburg, 1830. 692 p. (In Russian)

35. Preobrazhenskiy A.A. *Ural i Zapadnaya Sibir' v kontse XVI – nachale XVIII v.* [The Urals and Western Siberia in the end of the 16th – early 18th century]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 261 p. (In Russian)

36. *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoyu komissieyu* [Russian historical library published by the Archaeographic commission]. Vol. 2. St. Petersburg, 1875. (In Russian)

37. Savchenko S.N. *Yasachnaya politika tsarskoy administratsii v period osvoeniya Priamur'ya russkimi v XVII v.* [Yasak politic of the Tsar administration in the period of Russian absorption of the Amur area in the 17th century]. *Zapiski Grodekovskogo muzeya = Proceedings of Grodekovsky museum*. 2003, vol. 5, pp. 7–23. (In Russian)

38. *Sbornik imperatorskogo Russkago istoricheskago obshchestva* [The collection of the Imperial Russian historical society]. Vol. 59. St. Petersburg, 1887. 706 p. (In Russian)

39. Smirnov A.S. *Zemlevladienie i khozyaystvo inorodtsev Kazanskogo uezda vo vtoroy polovine XVI – nachale XVII veka* [Land ownership and economy of foreigners in the Kazan' yezd in the second half of the 16th – early 17th century]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Bulletin of N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod university*. 2014, no. 3 (1), pp. 186–193. (In Russian)

40. *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del* [A collection of state charters and agreements kept in the State collegium of foreign affairs]. Part 1. Moscow, 1813. 533 p. (In Russian)

41. *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del* [A collection of state charters and agreements kept in the State collegium of foreign affairs]. Part 2, amending the Part 1. Moscow, 1819. 399 p. (In Russian)

42. *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Soviet historical encyclopaedia]. Vol. 13. Moscow, 1971. 1022 p. (In Russian)

43. Ustryalov N.G. *Imenitnye lyudi Stroganovy* [The distinguished people Stroganovy]. St. Petersburg, 1842. 120 p.: pril., karta. (In Russian)

44. Sherstova L.I. *Tyurki i russkie v Yuzhnoy Sibiri: etnopoliticheskie protsessy i etnokul'turnaya dinamika XVII – nachala XX veka* [Turks and Russians in South Siberia: ethno-political processes and ethno-cultural dynamics in the 16th – early 20th century]. Novosibirsk, Institut arheologii i jetnografii Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk Publ., 2005. 312 p. (In Russian)

45. *Yakutiya v XVII veke (Ocherki). Sbornik pod redaktsiey S.V. Bakhrushina i S.A. Tokareva* [Yakutia in the 17th century (Essays). The collection edited by S.V. Bakhrushin and S.A. Tokarev]. Yakutsk, Yakutskoe knizhnoe Publ., 1953. 441 p. (In Russian)

About the author: Gayaz Kh. Samigulov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher Fellow, Scientific-Educational Centre of Eurasian Studies, South Ural State University (76, Lenin Ave., Chelyabinsk 454080, Russian Federation). E-mail: gayas_@mail.ru

*Received February 20, 2018 Accepted for publication May 25, 2018
Published June 29, 2018*